

Ни одного мало-мальски известного эстрадного артиста не миновали острые, смешные, но неизменно доброжелательные шаржи-пародии, созданные Владимиром ВИНОКУРОМ. Он, как никто, умеет играть роль "зеркала" из комнаты смеха, в котором отражаются не только многие наши "герои", но и до боли знакомые социальные явления и ситуации. Вот и сейчас, после длительного вынужденного перерыва, он предлагает свои

МЫСЛИ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

— Володя, всех нас потрясло известие о катастрофе, в которую ты попал, находясь в Германии на гастролях. Сейчас, слава Богу, все уже позади. Ты снова дома и возвратился в стены своего театра. Наверное, считаешь себя птицей Феникс?

— Пожалуй. Вернулся почти с того света, хотя Европу так называть не принято. Дни и ночи, что провел на больничной койке, напоминали бег на длинную дистанцию без остановки. Это была какая-то бесконечная трасса. За четыре месяца (два из них буквально провисел в воздухе, словно вертолет) передо мной прошла вся моя жизнь. У меня никогда не было столько времени для размышлений и воспоминаний.

В отпуске почти никогда не бывал, а и бывал, все равно работал. Если так провести всю свою жизнь, она пройдет, по словам поэта, "как Азорские острова". А там, в больнице, в зимние вечера лежа без движений на спине, как было не задуматься о прошлом, о смысле жизни и о будущем. В палате у меня стоял магнитофон, и я записывал посещавшие меня мысли. Может, со временем напишу книгу о встречах с друзьями-актерами, с добрыми и отзывчивыми людьми, которые были рядом всегда: и в радости, и в беде.

— В недавней — тоже?

— Как никогда. Правда, это не самый лучший способ проверки, но уж раз так получилось... Не думаю, что у меня столько искренних друзей. Уже на второй день после катастрофы прилетел Кобзон. Его оптимизм и напор были, пожалуй, тем эликсиром, который помог мне окончательно не скиснуть в те первые страшные дни. Он шутил, подбадривал, пел под гитару и всячески терпел меня, вселял бодрость, как только мог. Потом приехал и Лева Лещенко — мой самый близкий друг, и это тоже придало душевные силы. В военном госпитале, где я лежал, он дал концерт вместе с Бисером Кировым, который оказался в те дни в Германии и постоянно навещал меня.

Вряд ли вообще я бы выжил, если бы не те люди, которые окружали меня в госпитале, — сестра Даира Тохадзе — милая, чуткая и нежная грузинская женщина. Она опекала меня, как мать, массажистка Тая Абрамова — хрупкая, с маленькими, но железными руками. И те хирурги и врачи, которые собрали меня буквально по кускам. Им всем я низко кланяюсь и никогда не забуду того, что они для меня сделали.

А сколько было звонков? Звонили Леонтьев, Озеров, Понаровская, Гафт, Магомаев, Никулин, Новикова,

Шифрин, Сличенко и многие другие. Мои соотечественники и земляки узнали о случившемся из сообщений радио и газет и всячески старались подбодрить меня.

По приезде в Москву сразу включился в работу, по которой, естественно, истосковался. Что и говорить, театру в период моего непредвиденного "застоя" пришлось туго. Дом без хозяина, как известно, — сирота. Поэтому сразу же приступил к репетициям. На работу хожу каждый день, пока с моим новым "другом" — палочкой.

— И, наверное, обуревают грандиозные творческие планы?

— Да, задумал много интересного. И не только в театре. Мне предложили сняться в музыкальной кинокомедии. Сейчас изучаю сценарий и, если "сольюсь в экстазе" со своим будущим героем, буду дебютировать. Не лиха беда — начало. В театре же между тем готовим новые номера, шлифуем и обновляем старые, чтобы они звучали в духе стремительно бегущего времени.

— Твой нынешний театр — это коллективное творчество. Но на дороге искусства ты, помнится, выходил один. Как это произошло?

— Все началось в армии. Однажды после того, как наша рота посмотрела фильм "Бергис автомобиль", я смеясь ради заговорил голосом отставного генерала, которого в фильме, как всегда колоритно, играл Папанов. Все ребята обалдели, узнав знакомые интонации. После этой первой, так сказать, пробы голоса стал, дурачась, ради розыгрыша говорить голосами моих товарищей по роте, офицеров и прапорщиков. Тогда у меня и в мыслях не было, что способность к имитации может стать моей профессией.

Потом был ГИТИС, работа в Театре оперетты.

— Не кажется ли, что твоя судьба чем-то напоминает голливудские сюжеты о рождении "звезд" благодаря счастью и случайно сложившимся обстоятельствам?

— В этом действительно что-то есть. Только вариант наш специфический, "совковый". В эстраду я вошел с ансамблем "Самоцветы". Пел там песню О. Фельцмана "Идут дожди, смывая впадины". Со временем, пригласившись ко мне, Юра Маликов однажды предложил выступить с пародийным номером "Знакомство". "Старик, — сказал он, — пародия — это твое истинное амплуа, поверь мне и давай попробуй". В том забавном номере я "чирикал" с разными девушками голосами знаменитых артистов, перед которыми они благого-

вели и таяли. Получилось очень смешно, успех был большой. Тогда-то я и отважился показаться в таком жанре на эстрадном конкурсе с номером "Старшина" (авторы — М. Кочин и Л. Якубович) и стал лауреатом. Это было для меня приятной неожиданностью и укрепило в решении посвятить себя всецело этому жанру.

Потом долгое время работал в нем. Однако постепенно стал сознавать, что чисто пародию нельзя делать самоцелью, иначе она превращается в банальный капустник. К тому же и ряды пародистов стали множиться с невероятной быстротой. Этим занялись все кому не лень, тем более что способностью так или иначе копировать наделены многие.

Чтобы оторваться от "массы" и сохранить свое лицо, попробовал расширить рамки жанра. Так появился спектакль музыкальных мини-пародий-шаржей "Выхожу один я...". Воспользовался своими вокальными данными, которыми другие пародисты, шедшие по моим стопам, не располагали. Одновременно понял и другое: что один в поле при нынешних условиях в искусстве — не совсем воин. И создал коллектив, а впоследствии и театр. Наша нынешняя программа "Виношоу-кур" наполнена юмором и музыкой. В ней много буффонады, комических спенок, развлекательных сюжетов. Так что веселимся и веселим от души.

— Вокальный и артистический талант унаследованы тобой от родителей?

— Моя семья никакого отношения к артистическому миру не имела. Мы — из Курска. Отец — строитель, дед — сапожник, мать — преподаватель русского языка. Правда, у всех хорошие голоса и все любят петь. "Курские соловои", словом. В Курске обо мне говорят: это сын того самого Винокура. Имеют в виду отца, руки которого построена половина Курска. Мой брат пошел по его стопам, а я вот попался в артисты...

— Как на такое отступничество прореагировали родители?

— Они как-то сразу поверили в меня. Первое время непременно приезжали из Курска почти на все мои концерты для моральной поддержки. Да и я в каждую свободную минуту мчался к ним.

— Твои родители, с которыми мне довелось познакомиться, — удивительные люди. Сколько в них доброты, душевного тепла, сердечности! Наверное, хорошо иметь такой прочный и надежный тыл?

— Я не только счастливый сын, но и счастливый муж и отец. Жена Тамара — балерина Театра Станиславского и Немировича-Данченко — мой верный и преданный друг. За 18 лет совместной жизни мы серьезно не повздорили ни разу и тем более не разбежались, как это теперь модно. У нас есть Настя. Скоро ей семь лет. Она вполне самостоятельный человек — толковая и очень смешливая девчонка. Любит петь, читать стихи, танцевать. Бредит балетом. Это у нее, конечно, от мамы. Осенью пойдет в английскую школу. Вступительные экзамены выдержала, нас не подвела. И еще она здорово контактирует с природой и животными. Знает всякие травы, грибы, ягоды. Этому ее научила Тамара. К сожалению, нынешних детей к такой весьма ценной и полезной науке редко кто приобщает. Взрослые утратили эти знания. Настя — мой главный душевный лекарь.

— Тебе не страшно за ее будущее, не пугает то, что происходит в стране?

— Конечно, страшно. Надежд на лучшее остается все меньше и меньше. О ценах я уже не говорю. Дрожжей нет, а цены растут, как на дрожжах. Но главное — настрой людей. Кругом анархия. Никто никому не верит, никто никого не слушает, живет сам по себе. Даже всякие провидцы и прорицатели явно в замешательстве. Каждый плетет свое, чтобы заработать хоть на этом, дура другим голову советами, в какой день и время суток заниматься интимом и бизнесом.

Что ни день, то новость. И, как правило, черная. Ничего отрадного. Какой-то повальный мазохизм. Меня не было в Москве четыре месяца. За это время все изменилось до неузнаваемости. И все изменилось. Впечатление, что никто не перепродают, спекулируют или воруют, берут взятки, занимаются ракемом. А так хочется, чтобы в стране воцарился порядок, чтобы наши дети могли спокойно учиться, не боялись выходить во двор, а тем более на улицу. Даже кабинка лифта, где их могут изнасиловать и раздеть, стала опасным местом. Как же в таких условиях дети могут посещать музеи, театры, кино, выставки?

По-моему, сегодня наш главный бич — преступность. Человека загоняют в дом, где он вынужден строить чужь ли не баррикады, чтобы спастись от убийц и грабителей. Разве это жизнь?

— Наше когда-то единое человеческое пространство превратилось если не в "горячие точки", то во враждебные территориальные "жочки". Теперь с

концертами будешь ездить по ближайшим заграницам?

— Конечно, ничего хорошего в разладах и расприх не бывает. Это всегда ведет к дележам, дроблениям, воспоминаниям больших и малых обид. А если вдуматься, то всюду ведь как жили, так и живут самые обыкновенные люди, которым ни от кого ничего не нужно. Не простые люди мстят друг другу за что-то. Они стали жертвами, разменной монетой в руках авантюристов от политики, рвущихся к власти, играющих на нашей бедности, нехватке всего. Неужели, если бы был достаток, сытость, кому-то пришлось в голову воровать, брать взятки или убивать соседа?

Вчерашние демократы, взяв власть, очень резко прибрали к рукам дачи, фирмы, дома, спецпайки, спецполиклиники и больницы — то есть все, что сумели отнять у предыдущих чиновников, партаппаратчиков, номенклатуры. Теперь им на пятки уже наступают очередные "народные радетели". Эти боятся, что им может ничего не достаться из тех привилегий, которыми пользуются нынешние "верхи". Так что принцип отобрать, чтобы присвоить себе, действует в полную меру и, естественно, вызывает у людей справедливый гнев. Уважает и ценит ведь только ту власть, которая бескорыстна и делит вместе с народом все тяготы и нужды.

Что касается концертов, то заниматься этим буду где-то поближе к осени. Думаю, что к тому времени русский язык в эсээнгэшных местах еще не забудут, что меня будут понимать и смеяться не разучатся.

— А не пробовал ли ты спародировать предсказателя? Каков твой прогноз относительно будущего нашей культуры?

— Смеяться по этому поводу не хочется. Да и сколько ни предсказывай, все равно ничего не сбудется. По крайней мере, хорошее. А плохое — лучше не надо. Оно само придет. Одно очевидно — культура исчезает. Этот трагический процесс не могут приостановить никакие презентации, брифинги, марафоны. Страна, которая не развивает культуру человека с раннего детства, — обречена. Видим ли мы настоящую культуру общения хотя бы в детском саду, школе, институте, общественных местах, на улице, в метро? Сплошное хамство, пошлость, цинизм — вот что становится нормой поведения, обыденностью. Ну почему это случилось с нами, с моим народом, с моей страной?..

Беседу вела Валентина ТЕРСКАЯ.